

**Л. В. Цурикова**

## **АНАЛИЗ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Интенсивно развивающиеся в современном мире процессы глобализации и расширение международного взаимодействия во всех возможных областях и сферах социальной, политической, экономической и интеллектуальной жизни вызывают закономерный интерес к изучению разнообразных аспектов феномена межкультурного общения с позиций самых разных наук и в рамках самых разных подходов. И если для многих гуманитарных дисциплин рассмотрение проблем межкультурной коммуникации составляет новую, неразработанную область исследования, то для лингвистики данная проблематика давно уже стала традиционной. Тем не менее сложность и важность исследуемых в этой области явлений заставляют лингвистов искать все более эффективные пути и методы их анализа.

Изучая общие принципы и механизмы языковой деятельности, лингвистика рассматривает эту деятельность в том числе и с точки зрения проблемы взаимодействия языка и культуры. Несмотря на то, что данная проблема исследуется на протяжении всей истории науки о языке — от глубокой древности до наших дней, — она и сегодня занимает одно из центральных мест во многих интенсивно развивающихся направлениях лингвистики, таких, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнопсихолингвистика, теория коммуникации.

Теоретической основой указанных исследований служит обоснованное в психологии представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные и другие связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, при этом образ мира меняется от одной культуры к другой. Более того, все направления современной постмодернистской мысли признают языковую концепцию реальности, утверждая, что то, что мы воспринимаем как реальность, на самом деле есть социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы, и наши представления о мире в большой мере определяются нашим языковым сознанием: то, как мы говорим

о мире в данных нам формах языка, не только отражает наше восприятие мира, но и обуславливает его.

Центральным объектом изучения является при этом образ мира, существующий в сознании носителей данной культуры, который рассматривается как основополагающий компонент культуры этноса. Важнейшим при этом оказывается понятие языковой личности<sup>1</sup>, в структуре которой, наряду с уникальными компонентами, выделяется национальная инвариантная часть, обуславливающая принадлежность индивида к определенному лингвокультурному сообществу. Понимание того, что многие специфические особенности национального образа мира, отражающие неосознаваемые носителями языка знания, не могут быть полностью выявлены в рамках монокультурного описания, объясняет повышенное внимание, которое лингвистические науки традиционно уделяют изучению различных аспектов межкультурной коммуникации.

С этих позиций, например, разрабатывает свою теорию межкультурного общения Е. Ф. Тарасов, рассматривающий ее как частный случай теории общения и акцентирующий внимание на том, что проблемы межкультурной коммуникации напрямую связаны с темой языкового сознания, поскольку “главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов”<sup>2</sup>. Автор трактует межкультурное общение как “случай функционирования сознания в аномальных (“патологических”) условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознаний коммуникантов”<sup>3</sup>. Это ведет к постижению образов иной культуры через поиск эквивалентного образа своей культуры (что ограничивается манипулированием старым знанием), либо различий в образах родной и чужой культур и размышления над выявляемыми различиями (что способствует выработке нового знания).

Рассматривая межкультурное общение как общение носителей разных национальных сознаний, Е. Ф. Тарасов отмечает, что “носители разных языков будут понимать друг друга в той мере, в какой образы их сознаний пересекаются (обладают общностью), несовпадение этих образов и будет служить причиной неизбежного непонимания при межкультурном общении”<sup>2</sup>.

Долгое время анализ этнокультурных аспектов языкового сознания велся в основном на примере слова, рассматриваемого как главное средство доступа к единой информационной базе человека, а анализ проблем межкультурной коммуникации осно-

вывался на межъязыковых сопоставлениях систем значений и средств их выражения. Результатом сопоставительного семантического анализа при этом оказывались таксономические или парадигматические дескрипции областей лексического значения, включающие, наряду с другими, и культурно обусловленные компоненты, отражающие национальную картину мира на уровне слов и словосочетаний (реалии, имена собственные, лексические единицы с коннотативным или символическим значением, фразеологизмы, афоризмы, пословицы, поговорки, табуированная лексика).

Между тем один анализ структуры лексического значения не позволяет полностью выявить различия в когнитивной базе коммуникантов и объяснить культурно обусловленное коммуникативное поведение отдельного индивида как представителя социокультурной общности, поскольку для адекватного использования языка в естественной коммуникации недостаточно только знания значения слов, грамматики и правил произношения — адекватное коммуникативное поведение требует также знания принятых в данной языковой культуре ценностных ориентаций, установок и допущений, норм и ролей социального поведения и приемлемых отклонений от них.

В настоящее время лингвисты все больше осознают необходимость переориентации своих исследований на изучение национально-культурной специфики реального функционирования языка и увязываемых с ним культурных ценностей, языковой и лингвокультурной компетенции. Так, В. Н. Телия говорит о необходимости изучения и описания культурной семантики языковых знаков (номинативного инвентаря и текстов) в их реальном, синхронно действующем употреблении, отображающем культурно-национальную ментальность носителей языка, и указывает, что интерактивные процессы взаимодействия двух семиотических систем — языка и культуры — должны исследоваться с позиций языковой компетенции говорящего/слушающего на материале живого функционирования языка в дискурсах разных типов<sup>4</sup>.

В современной лингвистике базой данных для изучения культурно обусловленного коммуникативного поведения индивида как члена определенного социума все чаще становится анализ дискурса — процесса естественной человеческой коммуникации. При этом индивид рассматривается в качестве активного носителя как общественного, так и индивидуального, характерного только для его психической организации, сознания. Его дискурс-

сивное поведение, обусловленное принадлежностью к определенной языковой и социокультурной общности, рассматривается как реализация в процессе интеракции, наряду с индивидуальными, культурно детерминированными социально релевантными значениями языкового и неязыкового характера. Анализ дискурсивной деятельности в условиях межкультурной коммуникации дает лингвистам возможность не только выявить эти культурно специфические аспекты сознания и поведения носителей разных языков, но и получить данные о закономерностях речевого общения в целом.

При этом, поскольку процесс коммуникации не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, становится очевидной необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций. Сочетание этих подходов к анализу дискурсивной деятельности индивида представляет весьма сложную проблему — как показывает опыт, ни чисто коммуникативный, ни чисто когнитивный анализ дискурса в отдельности не предоставляет такой возможности<sup>5</sup>. Данная постановка вопроса делает особо актуальной задачу разработки комплексного междисциплинарного подхода к описанию дискурса и создания интегрированной парадигмы его исследования, предполагающей рациональный синтез коммуникативной и когнитивной парадигм его изучения.

В связи с этим важнейшее значение имеет развитие предложенного Е. С. Кубряковой в качестве новой парадигмы описания *когнитивно-дискурсивного* подхода к изучению языковых явлений, ставящего своей целью разностороннее освещение с точки зрения выполняемых ими когнитивных и коммуникативных функций. Среди отличительных черт этой парадигмы исследования Е. С. Кубрякова называет: *синтез* идей когнитивного направления, ориентированного на постижение деятельности человеческого разума в его связи с языком, с идеями коммуникативной лингвистики (лингвистики прагматически ориентированной и дискурсивной), а также с идеями семиотического порядка; *преemptивность* перехода от такой ранней версии когнитивизма, как ономазиологическое направление отечественной лингвистики, к более поздней версии его развития, часто принимающей форму когнитивного или концептуального анализа; разумное *сочетание* требований формальной строгости с используемыми функциональными объяснениями; *многофакторный анализ* каждо-

го изучаемого языкового явления с точки зрения его роли в осуществлении как познавательных, так и коммуникативных процессов; наконец, *принцип системности*, согласно которому изучаемое явление должно быть описано по его статусу не только относительно языковой системы, но и относительно тех более “высоких” систем, частью которых является сам язык<sup>6</sup>.

Как справедливо отмечает Л. И. Гришаева, “при такой трактовке не теряется из виду комплексность, взаимосвязанность *всех* фактов жизни и культуры народа, не отрицается культурная специфика, но и не игнорируется универсальность ряда закономерностей, которым подчиняется вербальный код в своем функционировании”<sup>7</sup>. Именно такой комплексный подход представляется нам наиболее плодотворным для изучения не только отдельных языковых явлений, но и различных аспектов самого дискурсивного процесса.

В применении к анализу дискурса о данной парадигме исследования можно говорить как о *когнитивно-прагматической*, предполагающей, с одной стороны, рассмотрение дискурса в терминах речевых актов и речевых событий, а также анализ собственно языковых его свойств и релевантных экстралингвистических (социопрагматических) факторов, а с другой — описание структур репрезентации различных видов знания, детерминирующих речевые стратегии коммуникантов и выбор конкретных языковых форм в процессе их дискурсивной деятельности. Такой подход к анализу дискурса оказывается напрямую связанным с решением задачи изучения языкового образа мира и социокультурной обусловленности коммуникативного поведения.

Коммуникативно-когнитивное изучение дискурсивной деятельности в самых разных ее проявлениях позволяет рассматривать используемые носителями языка в процессе коммуникации языковые средства и стратегии как способ реализации системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценностные ориентации. Особую значимость при этом приобретает межкультурный анализ дискурса, поскольку данный подход дает возможность включать в рассмотрение и когнитивные, и социопрагматические, и лингвистические, и культурные аспекты коммуникативной деятельности носителей разных языков. Все это имеет важное значение для разработки теоретических и методологических принципов анализа межкультурного общения. Задача эта до настоящего времени остается крайне актуальной, поскольку, несмотря на огромный интерес к проблемам межкультурной коммуникации во

всем мире, в этой области исследований пока гораздо больше увлекательных эмпирических наблюдений, чем глубоких теоретических представлений. Совершенно очевидно, что исследования в области межкультурной коммуникации — если они не стремятся остаться собранием афоризмов и анекдотов — должны иметь под собой серьезную теоретическую базу.

Изучая межкультурное и иноязычное общение, исследователь оказывается лицом к лицу с реальной дискурсивной деятельностью людей, поскольку данные для анализа он может получить лишь из “живой” — устной или письменной — речи участников такого общения. Ни художественные тексты, ни, тем более, словари, не могут быть источником подобного материала. Учитывая, что основной тенденцией практически всех современных направлений исследования дискурса является интерес к изучению реально протекающей дискурсивной деятельности и процессов, обеспечивающих ее осуществление, анализ межкультурного общения приобретает, помимо практического, особое теоретическое значение не только для этой конкретной области исследования, но и для теории коммуникации в целом. Он позволяет, с одной стороны, выявлять социокультурные особенности дискурсивного поведения носителей разных языковых сознаний, а с другой — обнаруживать универсальные закономерности, которым подчиняется языковой код в своем функционировании на уровне естественной речи. Кроме того, данный ракурс исследования ясно показывает, что, ведя речь о межкультурной коммуникации, мы, по сути, говорим об особом виде межличностного взаимодействия — взаимодействии индивидов-носителей разных языковых культур (и разных культурно-языковых сознаний), а описание межкультурной коммуникации как “диалога культур” — не более, чем метафора: общаются не культуры, а люди, их представляющие, со всеми вытекающими из этого особенностями. В полемике дискуссий этот факт иногда ускользает из фокуса внимания исследователей, приводя к необоснованным обобщениям и гипергенерализациям.

Исследование с когнитивной точки зрения межличностного дискурсивного взаимодействия в условиях межкультурного или иноязычного общения позволяет выявлять и описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, а также их влияние на языковые стратегии ведения дискурса, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Это означает, что, выявляя и изучая необходимые для успешной дискурсивной деятельности виды знания, мы тем самым стре-

мимся понять, *что* необходимо *знать* человеку, *чтобы адекватно*, с точки зрения данной культуры, *говорить* о мире с представителями этой культуры. Такая постановка проблемы делает особо актуальным анализ межкультурной коммуникации в когнитивно-прагматическом ракурсе.

Как известно, коммуникативно релевантные знания, составляющие неотъемлемую часть коммуникативной компетенции индивида и обеспечивающие адекватность его дискурсивной деятельности, разнородны по характеру и включают, помимо собственно языковых знаний, общие и конкретные знания о ситуации общения, знание социальных конвенций, принципов речевого общения и иллокутивных сил речевых актов, знание различных типов и форматов дискурса и условий их функционирования, знание об адресате и т.д. Осознанно или неосознанно, но коммуниканты строят свои дискурсивные стратегии, исходя из этих знаний и при порождении, и при восприятии речи. При этом, несмотря на наличие в их сознании обширного когнитивного пространства, включающего индивидуальные знания, полученные в результате обработки личного опыта, в своем речевом поведении участники общения опираются, во-первых, на те знания и представления, которыми обладают все члены одного с ними языкового сообщества (общие ситуативно не связанные знания), и, во-вторых, на знания, составляющие общий когнитивный фонд участников данной интеракции (ситуативно связанные знания).

Совокупность этих базовых знаний и представлений организована в виде когнитивных структур, которые содержатся в долговременной памяти членов данного социума и служат основой для восприятия, обработки и порождения информации в процессе дискурсивного взаимодействия. Сходство данных структур знания у представителей одного лингвокультурного сообщества обуславливает языковое и культурное единство его членов и объясняет, каким образом в процессе коммуникативного взаимодействия между членами этого сообщества возникает разделяемая ими социально-культурная интерпретация коммуникативных смыслов и создается *социальное значение* (social meaning<sup>8</sup>), лежащее в основе языковой конвенциональности и процесса семиозиса в целом.

Несмотря на разнородность, разнообразие и культурную специфичность, представленные в этих структурах знания можно в общем разделить на несколько видов. Как известно, для того чтобы нормально общаться в любом обществе, человек должен

представлять, что, когда, кому и как он может или должен сказать, — информация такого рода является коммуникативно значимой, независимо от социокультурной специфики коммуникации. Связанные с данными аспектами дискурсивной деятельности знания, при всей культурной вариативности их содержательного наполнения, обязательно включаются в состав когнитивной модели любого дискурсивного события. Среди этих знаний выделяются: 1) *контекстные знания* (знания, связанные с определением места и обстановки общения и степенью его формальности; с определением коммуникативного статуса участников общения, обусловленного социальными, коммуникативно-ролевыми и дистантными отношениями между ними; с темой/предметом общения); 2) *интеракциональные знания* (знание принципов успешного речевого общения; интерактивных моделей реализации дискурсивных событий и составляющих их речевых актов; интерактивной модели актуализируемого дискурсивного события, предполагающее, в свою очередь, знание входящих в него типов речевых актов; знание последовательности их выполнения в данном дискурсивном событии); 3) *языковые знания* (знание фонетики, лексики и грамматики языка общения; конвенций и норм употребления единиц языка общения; конвенциональных языковых способов реализации речевых актов текущего дискурсивного события).

Каждый из перечисленных видов знания включает как обобщенные, не связанные с конкретной ситуацией общения, так и ситуативно обусловленные знания. Существующие в форме различного рода презумпций и пресуппозиций, они входят, наряду с другими знаниями, в общий фонд знаний участников дискурсивной интеракции и лежат в основе содержащихся в их сознании схем и скриптов коммуникативных событий, а также фреймов речевых актов, на базе которых коммуниканты строят дискурс и избирают свои речевые стратегии в каждом конкретном случае.

*Контекстные знания* — это внеязыковые знания, полученные в результате когнитивной обработки социального и индивидуального опыта коммуникантов и являющиеся частью их энциклопедических (общефоновых) знаний о мире. Они служат для определения типа актуализируемой коммуникативной ситуации и активизируют блок интеракциональных знаний, вовлекаемых в текущую дискурсивную деятельность.

*Интеракциональные знания* отражают предшествующий дискурсивный опыт участников общения и являются результатом обоб-

щения разнообразных прецедентных феноменов, связанных с актуализируемым коммуникативным событием, определяя, *что* (типы речевых актов) и *когда* (порядок их выполнения) следует делать в рамках конкретного дискурсивного взаимодействия, и обуславливая тем самым алгоритмы стандартного коммуникативного поведения в дискурсе.

*Языковые знания* составляют базу кодовых знаний коммуникантов, определяя то, каким образом (*как*) они должны или могут оформлять свое коммуникативное намерение в определенной ситуации общения. Наличие языковых знаний является необходимым, но недостаточным условием успешного дискурсивного взаимодействия. Для полноценного и адекватного общения участники коммуникации должны владеть всеми перечисленными видами знаний.

В результате обработки обобщенной коммуникативно значимой информации, полученной из всего предшествующего дискурсивного опыта, в сознании индивида складываются прототипические когнитивные модели, или схемы, коммуникативных ситуаций, репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами. Каждая из этих схем репрезентирует набор скриптов — моделей всех возможных вариантов дискурсивной реализации данного речевого события. В скриптах представлены обусловленные параметрами ситуации общения коммуникативные ожидания ее участников относительно того, что должно или может произойти в ее рамках с интерактивной и языковой точки зрения. Эти коммуникативные ожидания детерминированы представлениями и знанием участников о том, как “должно” поступать и как другие обычно поступают в подобных ситуациях. В процессе дискурсивного взаимодействия данные когнитивные модели наполняются конкретным коммуникативным содержанием.

В дискурсивном взаимодействии мы имеем дело с репрезентациями именно коммуникативных событий, а не просто отдельных речевых актов. В рамках коммуникативного события, которое обычно представляет собой совокупность прагматически когерентных речевых действий, направленных на достижение общей коммуникативной цели, все составляющие его речевые акты оказываются связанными этой единой целью и общими условиями реализации. Преследуя частные коммуникативные цели, каждый акт речевого события выступает как стратегическое средство, используемое для решения общей коммуникативной задачи определенного дискурсивного события. Только с учетом этого

речевые действия приобретают смысл в дискурсе как при его порождении, так и при интерпретации.

Даже в том случае, когда минимальной единицей коммуникативного события является один речевой акт (например, *Excuse me/Позвольте пройти* как просьба к стоящему на пути незнакомому человеку освободить дорогу), это речевое действие представляет лишь часть полного сценария потенциальной интеракции, в которой адресат так же должен совершить различные коммуникативно значимые действия (например, молча посторониться, давая дорогу; посторониться со словами извинения *sorry/простите, извините*; не посторониться, объяснив причину; не посторониться без объяснения причин), в зависимости от которых в дальнейшем складывается развитие ситуации общения.

Этот набор вариантов осуществления (скриптов) потенциальной интеракции содержится в сознании обоих участников текущего коммуникативного взаимодействия, обеспечивая им возможность мгновенного реагирования на любой поворот в его развитии. Отклонение коммуникативного поведения одного из участников от диапазона этих возможных вариантов обычно приводит к сбою в общении, поскольку ставит другого участника в затруднительное положение, вызванное необходимостью поиска новой стратегии для продолжения интеракции, т.е. активизации нового, не предусмотренного первоначально, сценария. Именно по этой причине анализ иллокутивного значения любого отдельного речевого акта, особенно в случае его косвенного употребления, всегда требует рассмотрения его в дискурсе и учета большого количества прагматических и когнитивных факторов.

Как показывает опыт, анализ механизмов реализации дискурса на уровне единичных речевых актов (высказываний) оказывается недостаточным, поскольку не раскрывает особенностей их функционирования в рамках более сложно организованной системы речевых действий. Кроме того, сходство когнитивных моделей (фреймов) отдельных речевых актов не обуславливает сходства когнитивных моделей (схем и скриптов) дискурсивных событий, в которых они реализуются. Это обстоятельство, а также необходимость рассмотрения в процессе подобного анализа различных коммуникативно значимых социопрагматических и когнитивных факторов, делают дискурсивное событие наиболее оптимальной единицей описания.

Схемы и скрипты дискурсивных событий, а также фреймы речевых актов выступают для участников общения в качестве когнитивных “структур ожидания” — с их помощью индивид

адаптируется к бесконечному разнообразию реальной коммуникации и избирает дискурсивные стратегии в каждом конкретном ее эпизоде. Это оказывается возможным благодаря тому, что схемы и скрипты имеют нежесткую структуру — их слоты заполняют не фиксированные элементы, а наборы репрезентаций вероятностных коммуникативных стратегий, включающие и нормативные, и, что крайне важно, допустимо отклоняющиеся от них варианты. Таким образом, эти когнитивные структуры представляют собой не только частотные и продуктивные, но также нечастотные и непродуктивные стереотипы. Составляя основу “нормы ожидания” у участников коммуникации, эти стереотипы обуславливают и их оценку степени прагматической и языковой адекватности и “естественности” дискурсивного поведения друг друга.

Здесь следует заметить, что понятие “норма ожидания”<sup>9</sup> оказывается чрезвычайно удобным при рассмотрении механизмов дискурсивного взаимодействия в когнитивно-коммуникативном ракурсе. В частности, оно позволяет лучше понять, что лежит в основе восприятия и оценки успешности коммуникации, а также разграничить такие характеристики дискурса, как “нормальность”, “нормативность” и “правильность”, напрямую связанные с оценкой успешности коммуникативного взаимодействия. Несмотря на то, что большинство лингвистов обычно употребляет эти определения как синонимичные, понятия, стоящие за ними, не могут рассматриваться как тождественные, хотя в их содержании и имеется определенная зона пересечения.

Как известно, понятие нормы применимо практически ко всем сферам жизни, так как оно включает все виды и формы порядка — как природные, так и созданные человеком правила и законы. Это понятие прочно вошло в исследования философов, логиков и лингвистов и широко используется, например, при определении значения оценочных предикатов в аксиологических, деонтических и алетических суждениях, при изучении природы общих и частных оценок, при описании параметрических прилагательных, при анализе микро- и макросоциолингвистических характеристик языка, таких, как жанровые и стилистические его особенности и мн.др.

Исследователи говорят о вариативности понятия нормы, противопоставляя в связи с этим системы осознанных и кодифицированных норм системам неосознаваемых и некодифицированных норм. Среди последних различают, например, видовую норму, норму пропорции, норму ожидания, ситуативную норму (норму

пригодности)<sup>10</sup>. Воспринимая и интерпретируя действительность, человек подсознательно оценивает ее с позиций этих норм, при этом “норма ожидания”, проявляющаяся “тогда, когда сравнивают действительное с ожидавшимся или привычным”<sup>11</sup>, оказывается здесь ключевой, поскольку является более общей по отношению к другим видам нормы. Если воспринимаемый объект или явление действительности соответствует тому, что подсознательно ожидал встретить субъект восприятия, этот объект (или явление) может быть определен как “нормальный” или “естественный” при данном порядке вещей. Это в полной мере относится, наряду с другими, и к языковой деятельности человека, где понятие “норма ожидания” может быть использовано для более глубокого анализа различий между традиционно понимаемой языковой нормой и узусом, а также для объяснения того, почему соответствие речи узусу является необходимым условием при оценке дискурса как “нормального”.

Очевидно, что с углублением функциональной дифференциации языка и развитием всех разновидностей его существования (таких, как кодифицированный литературный язык, некодифицированная разговорная речь и ее ненормированные разновидности — просторечие, территориальные и социальные диалекты, сленг) для каждой из этих разновидностей складывается свой узус, отражающий осознанные и неосознанные представления носителей языка о “должном” и “недолжном” в его употреблении. Узуальное употребление языковых форм лежит как в основе общезначимой кодифицированной нормы литературного языка, так и в основе частных некодифицированных норм различных разновидностей устной речи. В сфере языка и языковой коммуникации так же, как и в других областях жизни, выделяются системы осознанных кодифицированных и неосознаваемых некодифицированных норм, причем последняя система характеризуется тем, что включает в качестве допустимых варианты различных отклонений от кодифицированных норм употребления языковых единиц самого разного уровня.

Включенные в “норму ожидания”, эти определяющие узус кодифицированные и некодифицированные языковые и коммуникативно-поведенческие нормы, а также допустимые отклонения от них, используются носителями языка как основание для оценки дискурсивного поведения друг друга с точки зрения его “нормальности”: соответствие дискурсивного поведения индивида “норме ожидания” воспринимающего субъекта позволяет ему оценивать это поведение как “естественное”. При такой трактов-

ке содержание понятий “нормальность” и “естественность” оказывается гораздо шире содержания понятия “нормативность”, предполагающего соответствие кодифицированной норме как этическому стандарту, исключающему девиации. Поэтому, несмотря на то, что понятие нормальности пересекается с самым общим понятием нормативности, отождествлять их невозможно.

По той же причине его невозможно отождествлять и с понятием правильности, которое определяет действия людей по их отношению к норме. И хотя “концепт правильности не имеет твердой точки опоры... ..(поскольку его обуславливают) по крайней мере... ..три фактора: 1) конвенциональность норм и правил; 2) наличие разных систем правил, прилагаемых к разным аспектам одного действия; 3) возможность выбора действия (хода) в рамках одной системы правил”<sup>11а</sup>, он тесно связан с выражением аксиологической оценки и “имеет своим источником нормативную оценку действия”<sup>11б</sup> с точки зрения его целесообразности и соответствия этическому стандарту. Таким образом, понятие правильности соотносится с “узким” значением понятия нормы. Определяя какое-либо действие как “правильное” или “неправильное”, мы обычно оцениваем его с позиций корректности полученного результата, при этом оценка в терминах “нормальности” или “естественности” лежит как бы в другой плоскости: при соответствующих условиях “правильное” может оцениваться как “слишком правильное” и потому “неестественно правильное”, и наоборот, “неправильное” восприниматься как вполне “естественное” и “нормальное”.

Учитывая все сказанное, при рассмотрении механизмов дискурсивного взаимодействия в когнитивно-коммуникативном ракурсе мы используем не прескриптивно-этическое понятие “норма”, а нейтральное когнитивно ориентированное понятие “норма ожидания”, предполагающее наличие в сознании человека осознанных, малоосознанных или неосознанных знаний как о кодифицированных, так и о некодифицированных нормах языкового поведения, а также допустимых отклонений от них. Организованные в особые когнитивные структуры, эти знания лежат в основе прототипических когнитивных моделей различных дискурсивных событий, составляющих для участников общения прогностическую базу коммуникативного взаимодействия как при порождении, так и при восприятии дискурса.

Наличие в сознании участников коммуникации сходных когнитивных моделей дискурсивных событий обуславливает сходство процессов вероятностного прогнозирования многих альтернатив-

ных способов продолжения дискурса и, как следствие, сходство их экспектаций и антиципаций в отношении наиболее вероятного его развития, обеспечивая тем самым успешность коммуникации. Несмотря на кажущуюся неисчислимость вариантов дискурсивного взаимодействия в условиях спонтанной коммуникации, при ближайшем рассмотрении они оказываются сводимыми к достаточно определенному, хотя и немалому, количеству типичных разновидностей, что свидетельствует о существовании среди них наиболее рекуррентных, стабильных, вызывающих устойчивые когнитивные реакции структур. Возможность для коммуникантов оценивать дискурсивное поведение друг друга с точки зрения его интерактивной, содержательной и формальной адекватности и уместности определяется наличием у них именно этих стабильных моделей дискурсивных событий, составляющих когнитивный и психологический фон для восприятия и интерпретации речевой действительности.

Сходство у участников общения социального и дискурсивного опыта обуславливает сходство в содержании их контекстных, интеракционных и языковых знаний и, как следствие, сходство их когнитивных дискурсивных моделей. Как правило, у представителей одной социокультурной общности многие из этих показателей существенно совпадают, что позволяет говорить о культурной обусловленности содержащихся в их сознании когнитивных моделей дискурсивных событий и объясняет значительное сходство стратегий и форм их коммуникативного поведения — как нормативного, так и девиативного — при дискурсивном взаимодействии. Соответственно, у носителей разных языковых культур эти показатели могут значительно различаться.

С точки зрения когнитивных аспектов коммуникации, межкультурное общение можно рассматривать как область потенциально конфликтного взаимодействия социокультурно детерминированных когнитивных дискурсивных моделей, поскольку любое их несовпадение обуславливает различие в “нормах ожидания” у участников общения, что, в свою очередь, затрудняет процесс взаимной адаптации их дискурсивных целей и стратегий (иногда этот процесс называют аккомодацией), выводя многие из этих целей и стратегий за границы приемлемого для одной из сторон. В том случае, если коммуникативные действия участников дискурса в условиях межкультурного общения регулярно выходят за рамки допустимого набора вариантов их реализации, возможных, с точки зрения собеседников (с позиций их языковой культуры), для данного контекста общения, эти действия зачастую квалифи-

цируются как “неуместные” и “неадекватные”, а все дискурсивное поведение партнера оценивается как “непривычное”, “необычное”, “непонятное”, “странное” или “невежливое”.

Так, например, если в сознании одного из участников дискурса отсутствует когнитивная модель такого формата фатического взаимодействия, как *small talk* (включающая знания об определенных темах разговора, времени и возможном порядке их введения в беседу, о разнообразных конвенциональных способах их оформления, о речевых стратегиях их поддержания и завершения и т.п.), то, вероятнее всего, окажется, что в ситуации общения с собеседником, который активно владеет этим форматом и следует ему в текущей интеракции, коммуникативное поведение неосведомленного партнера, реализующего другую дискурсивную модель, будет отклоняться от коммуникативного сценария, которому следует его визави, нарушая контекстные ожидания последнего. При этом отсутствие в сознании партнеров сходных когнитивных моделей текущего дискурсивного события лишает их возможности полностью адаптировать свои коммуникативные действия к поведению друг друга — в лучшем случае это удастся сделать лишь частично, на уровне отдельных дискурсивных ходов. Негативные последствия коммуникации такого рода очевидны: общение в рамках данного формата либо вообще не состоится, так как один из собеседников просто не поддержит затронутой темы, либо оно примет “необычную” форму, поскольку один из собеседников не будет задавать “нужных” вопросов, давать “нужные” ответы и в целом реагировать “должным” образом в “должное” время.

Даже в том случае, когда в речевых культурах обоих участников межкультурного взаимодействия существуют очень похожие коммуникативные контексты с аналогичными условиями и целями общения, которые партнеры воспринимают как идентичные, при ближайшем рассмотрении может оказаться, что дискурсивные события, имеющие место в этих контекстах в двух культурах, предполагают несколько разные сценарии. Вследствие этого представители разных культур вступают в интеракцию с разными коммуникативными ожиданиями и в рамках одной ситуации общения, сами того не осознавая, актуализируют разные прототипические дискурсивные модели. Простейшим примером, иллюстрирующим такое взаимодействие, может служить коммуникативное поведение носителей русского и английского языков в ситуации предложения угощения.

Так, в русской речевой культуре гостя принято уговаривать

попробовать угощение, даже если он первоначально отказывается от него, ссылаясь на то, что уже сыт, что больше не хочет, что не любит или не может есть или пить предлагаемое. Как правило, первый отказ, а иногда и второй, и третий, не воспринимается хозяином как сигнал к прекращению попыток воздействовать на гостя с тем, чтобы он принял предлагаемое угощение. В данной ситуации коммуникация будет восприниматься хозяином как успешная лишь в том случае, если гость возьмет то, чем его угощают, что и определяет речевые стратегии ее участников: с одной стороны, предложение может повторяться до четырех-пяти раз, и это считается вежливым, с другой — многократные отказы также имеют свою логику вежливости, поскольку своими отказами гость пытается убедить хозяина, что ценит его затраты и, стесняясь, пытается снизить их, избегая “нецелесообразного расходования субстанции”. Именно эта дискурсивная модель, включающая, помимо названных пресуппозиций, соответствующие коммуникативные стратегии и языковые средства их реализации, чаще всего актуализируется носителями русского языка в рассматриваемой ситуации в неформальной обстановке общения.

Напротив, в англоязычных культурах в аналогичной ситуации угощение предлагается, как правило, только один раз, и хозяин очень редко предпринимает еще одну попытку воздействовать на гостя с тем, чтобы он принял предлагаемое. Повторные предложения воспринимаются как попытки заставить адресата делать действие вопреки его воле. Таким образом, несмотря на то, что семантические и социопрагматические параметры коммуникативных ситуаций предложения угощения в двух культурах практически идентичны, стратегии осуществления составляющих их коммуникативных действий — и интерактивные, и языковые — существенно различаются<sup>9</sup>.

Как показало проведенное нами исследование, такое значительное расхождение в стратегиях коммуникативного поведения связано с различной культурно-прагматической ценностью факторов, релевантных для этой коммуникативной ситуации. Например, в русской речевой культуре доминирующим в данном контексте является фактор бенефактивности предлагаемого для адресата, с точки зрения говорящего, и говорящий во что бы то ни стало стремится сделать адресату “хорошо”, видя в этом проявление заботы и внимания к нему. Именно так воспринимает это и русскоязычный адресат. В англоязычных культурах большую ценность в этом контексте имеет другой фактор — возмож-

ность для адресата сделать выбор, поскольку сам адресат лучше знает, что для него хорошо, а что — плохо (как выразился один из наших респондентов, “The addressee knows better what is good for them”), и говорящий проявляет заботу и внимание к адресату тем, что не навязывает ему свою волю.

Таким образом, несмотря на идентичность основных семантических, интерактивных и социопрагматических факторов, лежащих в основе дискурсивного события угощения в английской и русской языковых культурах, в структуре репрезентирующих это событие когнитивных моделей в двух культурах имеются существенные различия. При этом речь идет о различиях в наборе интерактивных моделей осуществления данного речевого события в дискурсе и их продуктивности, о различиях в некоторых грамматических и семантических характеристиках используемых для его реализации языковых форм, а также о разной культурной значимости релевантных семантических параметров (бенефактивность — выбор). Роль последнего несовпадения оказывается в данном случае решающей — именно оно определяет все другие расхождения в культурных когнитивных моделях, вследствие чего мы наблюдаем поразительную разницу в том, какие коммуникативные стратегии в этой ситуации воспринимаются как вежливые в двух языковых культурах.

Так, носители английского языка при осуществлении этого события в дискурсе в качестве вежливых используют только стратегии “негативной” вежливости<sup>12</sup>. В русской языковой культуре сочетание стратегий ведения этой интеракции выглядит весьма необычно: в то время как предлагающий угощение участник коммуникации обычно прибегает к стратегиям “позитивной” вежливости, бенефициант чаще всего использует стратегии “негативной” вежливости. Для ведения роли предлагающего в распоряжении русскоязычного говорящего имеется целый арсенал речевых актов (просьбы, приказы, мольбы, упреки, угрозы, похвала, комплименты и даже оскорбления) и языковых форм их осуществления (императивные и повествовательные конструкции, лексические единицы положительной и отрицательной оценочной семантики, уменьшительно-ласкательные суффиксы и т.д.). Диапазон разнообразных форм выражения отказа, используемых русскоязычным адресатом, также достаточно широк. Очевидно, что у носителей английского языка подобные формы в сценарий данного речевого события не включены. Самым примечательным при этом нам кажется то, что, используя совершенно разные дискурсивные действия, которые обусловлены совершенно раз-

ной культурной логикой, в обеих языковых культурах при угощении коммуниканты соблюдают общий принцип кооперации и следуют одним и тем же максимам вежливости (Максима Великодушия, Максима Скромности П. Грайса).

Когда носители этих культур с разными шкалами ценности вступают в коммуникативный контакт, эта, на первый взгляд, незначительная разница в значимости факторов “бенефактивность—выбор”, детерминирующая, тем не менее, принципиальное различие в структуре моделей соответствующих дискурсивных событий, может привести к серьезному сбою в общении. Так, очень часто в ситуации предложения угощения носители русского языка, говорящие по-английски, используют в коммуникации с носителями английского языка стратегии русской речевой культуры, предлагая что-то собеседнику несколько раз и не обращая внимания на первоначальный отказ адресата. При этом они транспонируют в свой английский русские речевые конвенции, говоря, например, *Take this piece of cake* в ситуации, когда носитель английского языка сказал бы *Do you want this piece of cake?* или *Have this piece of cake*. Неудивительно, что все это может создавать препятствия в процессе общения с носителями английской речевой культуры, воспринимающими такой способ воздействия как слишком категоричный и неуместный. С другой стороны, коммуникативное поведение англоязычных собеседников, следующих в этой ситуации своим дискурсивным моделям, может вызвать критику и неприятие у русскоязычных партнеров.

Как правило, иноязычные коммуниканты при этом даже не подозревают, что их дискурсивные стратегии не соответствуют “нормам ожидания” носителей языка общения и выходят за рамки допустимого диапазона отклонений для естественного аутентичного дискурса. Это объясняется тем, что в ситуации межкультурной коммуникации сходство базовых — интегральных — признаков актуализируемого речевого события у носителей разных языков обеспечивает им возможность поверхностно успешного общения, что создает у собеседников иллюзию полного взаимопонимания (ибо обе стороны воспринимают ситуацию как знакомую, понятную и одинаковую для них) и одновременно затрудняет осознание имеющихся различий, или **слабых контрастов**, поскольку дифференциальные признаки этого события в двух культурах не воспринимаются ими как значимые.

В данном случае внешнее сходство коммуникативных контекстов в разных культурах может создавать у собеседников иллюзию полноценной и адекватной коммуникации, однако общение та-

кого рода все же вряд ли можно признать успешным, о чем свидетельствуют неизбежно формирующиеся у них в результате такого общения негативные стереотипы в отношении другой стороны.

Проблемы, о которых идет речь, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность приведенных для их иллюстрации примеров, представляют значительную трудность и для изучения, и для решения. Как показывает практика, их не удастся преодолеть простым заучиванием “подходящих” языковых форм, поскольку без понимания “логики употребления” этих форм в культуре языка общения говорящий на иностранном языке коммуникант, оценивая эти формы с позиций и в терминах своей родной языковой культуры, скорее всего использует их “не там” и “не так”, особенно в ситуации “слабого контраста”. Как правило, не дает ключ к пониманию логики этой культуры и традиционное, даже очень пространное, описание бросающихся в глаза особенностей коммуникативного поведения представителей той или иной культуры, зачастую к тому же сопровождающееся субъективными — обычно стереотипными и этноцентрическими — комментариями интерпретатора—носителя другой культуры, поскольку логика эта определяется гораздо большим количеством факторов и условий, чем это представлялось лингвистам и культурологам еще совсем недавно.

Обсуждаемые вопросы имеют важнейшее значение как для теории, так и для практики межкультурной коммуникации и преподавания иностранного языка в связи с проблемой определения объема необходимых фоновых знаний при формировании коммуникативной и культурной компетенции у изучающих иностранный язык. Как показывают современные исследования, когнитивные дискурсивные модели изучаемой языковой культуры не складываются у билингвов автоматически. Модели родной культуры служат структурирующей базой для поступающей новой инокультурной информации: при сходстве интегральных признаков дискурсивных событий в родной и иноязычной культурах эти признаки воспринимаются как классифицирующие — на их основании новая информация помещается в знакомое когнитивное пространство.

В свете широко обсуждаемых сегодня в лингводидактике проблем содержания коммуникативной компетенции и методов ее формирования у изучающих иностранный язык эти факты свидетельствуют об особой значимости прагмалингвистических, интерактивных и контекстных знаний в когнитивном фонде ино-

язычных коммуникантов. Из этого следует, что освоение только общефоновой культурной информации (знание истории, литературы, традиций, реалий и т.п. изучаемой языковой культуры), какой бы интересной и важной она не представлялась, оказывается недостаточным для формирования навыков адекватного использования иностранного языка в дискурсе. Для этого требуется освоение особого пласта коммуникативно релевантных знаний (понимание закономерностей взаимодействия социопрагматических факторов коммуникации, сущности речевого акта и речевого события, принципов кооперативного взаимодействия и культурно значимых ценностных параметров, а также конвенциональных языковых стратегий достижения коммуникативных целей), причем и в родной, и в иноязычной культуре.

Все это также имеет не меньшее значение для теории и практики перевода — и в связи с решением общей проблемы адекватности перевода, и в связи с необходимостью формирования у переводчиков когнитивных моделей иноязычного дискурса, коррелирующих с моделями родной культуры, и установления соответствий между значимыми для коммуникации в обеих культурах семантическими, интеракционными, социопрагматическими и языковыми параметрами дискурсивного взаимодействия.

Когнитивно-прагматический анализ межкультурной коммуникации открывает новые перспективы для дальнейшего теоретического и практического изучения и традиционных, и новых, вызванных к жизни современными научными поисками, проблем, связанных с исследованием общих принципов и механизмов языковой деятельности, взаимодействия языка и культуры.

---

<sup>1</sup> Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

<sup>2</sup> Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 8.

<sup>3</sup> Тарасов Е. Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание. Формирование и функционирование. М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. С. 30.

<sup>4</sup> Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: Материалы II междунар. конф. Тамбов, 1999. Ч. 3. С. 14—15.

<sup>5</sup> См.: Цурикова Л. В. Проблемы когнитивного анализа дискурса в современной лингвистике // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. № 2. С. 129—158; Она же. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2002.

<sup>6</sup> См.: Кубрякова Е. С. В начале XXI века (размышления о судьбах когнитивной лингвистики) // Когнитивная семантика. Материалы второй междунар. школы-семинара. Тамбов, 2000. Ч. 1. С. 6—7; Она же. Традици-

онные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: Материалы круглого стола. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 3—10.

<sup>7</sup> *Гришаева Л. И.* Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность // Социокультурные аспекты перевода. Воронеж: ВГУ, 2001. Вып. 4. С. 36.

<sup>8</sup> *Holland D. and Quinn N.* Cultural Models in Language and Thought. London; New York et al.: Cambridge University Press, 1987.

<sup>9</sup> См.: *Цурикова Л. В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации.

<sup>10</sup> *Leisi E.* Der Wortinhalt: seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1953. S. 99—107.

<sup>11</sup> *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999. <sup>11a</sup> С. 578. <sup>11b</sup> С. 576.

<sup>12</sup> См.: *Brown P. and Levinson S.* Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.